

ГОРЬКИЙ В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

Мы знаем из неоднократно публикуемых в печати материалов, что общественно-литературная деятельность Горького была предметом неуспешного непрерываемого ни на один год внимания полицейских органов царской власти. Цензурирование пьес Горького, вообще говоря, обставилось более строгими требованиями, чем цензурирование произведений прозаических. Охранительные органы царского правительства учитывали принципиальную разницу между словом написанным, напечатанным в книге и далее читаемым, и словом, звучащим, слышимым со сцены, действующим одновременно на большую коллектив зрителей театра. Более эффективная сила слова в последнем случае, воздействующая не только своим прямым смыслом, но и художественной сценической трактовкой и всей театральным окружением, была им очевидна, — как очевидна была и революционизирующая сила слов писателя, выступившего в значительную предреволюционную пору с общественными обличениями, с резкой критикой социальных противоречий перед массовой аудиторией — публикой театра. В стремлении пресечь возможное воздействие этих слов, восстановить возможный и, во всяком случае, идейно подготавливаемый переход «слова» в «дело», охранительные органы прибегали как к непосредственному снятию соответствующих «опасных» мест пьесы, к изъятию назидательных социальных смыслов отдельных речей, сентенций, так и к созданию таких условий, при которых было бы затруднено до последней степени появление самих пьес Горького на сцене театров. Меры пресечения воздействия горьковского художественного слова коснулись не только произведений самого писателя, но произведений, возникших на его основе (сценические переделки ранних рассказов и повестей) или под влиянием его творчества. Учет цензурного материала в этом последнем случае позволяет открыть обширный круг подражателей Горького, как бы «горьковскую школу», полное проявление которой в ряде пьес этого времени было приостановлено цензурными же органами.

Приведем «образцы» цензурной «работы» над тремя пьесами Горького: «Мещане», «На дне» и «Враги».

Первый представленный в цензуре экземпляр «Мещан» был тщательно просмотрен цензурой, исключившей ряд мест. Почти все цензурные пропуски коснулись тех мест текста, в которых автор устами действующих в пьесе лиц трактовал вопросы характера общественного: протест против существующих форм жизни, о тягостной жизни, об условиях жизни в России и т. п.

Приведем некоторые «образцы» цензурных пропусков, выделив опущенные фразы или речи курсивом.

Акт II. Тетерев (Нилу). Жизнь испорчена. Она скверно сшита... Не по порядку порядочных людей сделана жизнь, говорю я. Мещане сузили, окотили ее, сделали тесной...

Акт II. Нил (не слушая). Как ненавижу я этого человека... этот дом, всю жизнь это... гнилую жизнь. Здесь все какие-то уроды. Никто не чувствует, что жизнь испорчена или, низведена к устоякам... что из нее они делают себе темницу, которая несчастье... Как она ухитряются делать это? Не понимаю. Но...

Акт II. Петр (Бессеменову). Ты прав, твоя правда узка нам... мы выросли из нее, как вырастают из платья; нам тяжело, нас давит это... То, чем жил ты, твой порядок жизни, он уже не годится для нас...

Акт IV Нил (Петру) В одном не вижу ничего приятного: в том, что я и другие честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь не вся, ведь, за ними! Они пойдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле.

Акт IV. Тетерев. Но это объяснение

красиво слишком для меня... хотя оно и кратко. К нему добавить надо, что в России удобнее, спокойнее быть пьяницей, бродягой, чем трезвым, честным, дельным человеком. Только люди, безжалостно прямые и твердые, как мечи,—только они пробьют...

Первый представленный в цензуре экземпляр «На дне» вызвал обширный ряд цензурских исключений. Так, цензуром были зачеркнуты слова и фразы, предосудительные с точки зрения господствующей и официальной морали.

Другие цензурные пропуски касались мест, трактующих религиозные вопросы, мест с церковными речениями и т. п. Исключения этой группы падают, главным образом, на речи Луки и на реалики лиц, ему отвечающих.

Значительное число цензурных пропусков касается тех мест пьесы, в которых освещены тяжелые условия «жизни» отдельных персонажей пьесы или вообще русской жизни.

Особое значение цензура придавала речам действующих лиц, имеющих общее политическое значение или трактующим вопросы, тесно связанные с политической характеристикой существующего строя.

Акт I. Пенел (барону). Ты барин... было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал... и все такое... Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой, ты и будешь... ведь будешь!

Акт III. Пенел. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут... в совесть я не верю...

Акт III. Костылев (Луке). Сегодня же чтобы духу твоего не было. А то и... смотри.

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю... Беглого, мол, изловил... Награду дядя получить может... копейки три...

Бубнов (в окне). Чем тут торгуют? За что три копейки?

Лука. Меня вот грозят продать...

Василиса (мужу). Идем...

Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик... Они и за копейку продадут.

Акт IV. Татарин. Потом придет время. Коран будет мало... Время даст свой закон, новый... Всякое время даст свой закон...

Сатин (Лу да). Пришло время и дало «Уложение о наказаниях»... Крепкий закон... не скоро износишь.

Еще до появления пьесы на сцене главным управлением (12 октября 1902 года) был предупредительно разослан губернаторам циркуляр о том, чтобы не допускались анонсы о новой пьесе М. Горького «На дне» до представления антрепренерами цензурированных экземпляров.

Пьеса была предназначена к постановке на сцене Московского Художественного театра и была послана директором театра, В. И. Немировичем-Данченко на цензурный просмотр в августе 1902 года. 27 августа она поступила в цензуру. Лишь через месяц, 25 сентября, видимо, после тщательного чтения пьесы, отзыв о ней (цензора С. Трубочева) был доложен начальнику главного управления. Рассказав подробно содержание пьесы, цензор заключает:

«Новая пьеса Горького может быть разрешена к представлению только с весьма значительными исключениями и некоторыми изменениями. Безусловно необходимо городского Медведьева превратить в простого отставного солдата, так как участие «полицейского чина» в многих проделках ночлежников недопустимо на сцене. В значительном сокращении нуждается конец II акта, где следует опустить, из уязвления к смерти чахоточной жены Клеши, грубые разговоры, происходившие после ее кончины. Значительных исключений требуют беседы странника, в которых имеются неудобные рассуждения о боге, будущей жизни, джи и проч. Наконец, во всей пьесе должны быть исключены отдельные

фразы и резкие грубые выражения, на которые во всех своих произведениях не скупится Горький».

Постановка пьесы на сцене столичных театров во второй сезон, осенью 1903 года, вызвала своеобразную оценку пьесы петербургским градоначальником Клейгельсом в докладе министру внутренних дел от 31 октября 1903 года.

«В последнее время в периодической печати появляются корреспонденции, указывающие на развитие в столице преступности со стороны особого класса людей, группирующихся иногда в шайки и свободно производящих на улицах и других общественных местах бесчинства и своеволия над прохожими, причем, сообщая эти иллюстрируются подробностями преступных событий, фактическая сторона которых извращается до неузнаваемости. Всякие отдельные случаи бесчинств тенденциозно муссируются газетными репортажами и обобщаются в явления, угрожающие общественному спокойствию населения.

Такие сообщения не могут не оставлять известное впечатление и порождать тревожное настроение жителей. В то же время на театральной сцене идут и пользуются большим успехом такие пьесы, как «Палаше», «На дне», в которых авторы, рисуя жизнь отбросов общества, самыми густыми красками, стремятся обнаружить и показать обществу внутренний смысл — душу этого порочного элемента, выставляя негодяев и туеядцев в ролях героев и удалцов».

Автор доклада предлагает: «Воспрещение постановок на театральных сценах пьес, в которых реальная жизнь пролетариата освещается и демонстрируется в соблазнительном виде».

В результате такого рода «ходатайств» последовало неофициальное запрещение постановки пьесы:

«Г. министр изволил приказать: 1) по возможности не разрешать дальнейшего появления на сцене пьесы «На дне» и 2) сделать редакторам маленьких газет соответственные указания».

Пьеса «Враги» (1907 год) представлена печатным экземпляром из собрания «Знание», в котором загнуты многие страницы, видимо, обратившие на себя внимание цензора.

В докладе цензора (13 февраля 1907 года), выказавшегося за категоричное запрещение пьесы, записана такая ее характеристика:

«В этих сценах ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, причем, первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели — уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами. Впрочем, по словам одного из действующих лиц, совершенно безразлично, каковы качества хозяина, достаточно того, что он «хозяин», чтобы для рабочих он являлся врагом. Автор устами жены-директора фабрики Татьяны предсказывает победу рабочих. Сцены эти являются сплошной проповедью противимущих классов, вследствие чего не могут быть дозволены к представлению».

Из приведенных примеров текстовых урезок видно, что из произведений Горького выглаживался тот протестующий революционный дух, которым были насыщены пьесы в печати. Горький в сборниках «Знание», где печатались его пьесы, и Горький на сцене — не один и тот же Горький и, тем не менее, пьесы Горького, даже в «очищенной» в большинстве своем от политических мотивов цензурной редакции воспринимались современниками, как пьесы, протестующие, революционные, взрывающие. И это потому, что внутренний тон горьковских произведений и политическое содержание его имени легко настраивали современника на активное зрительное восприятие.

С. БАЛУХАТЫЙ.